

М. С. Бутинова

ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАННИХ ФОРМ РЕЛИГИИ В МУЗЕЙНЫХ ЭКСПОЗИЦИЯХ

Для научно-атеистической пропаганды важное значение имеет анализ причин и условий, вызвавших на известных ступенях развития человеческого общества появление религиозных представлений, а также рассмотрение вопроса о происхождении и ранних формах религии. В. И. Ленин писал: «Наша программа вся построена на научном и, притом, именно материалистическом мировоззрении. Разъяснение нашей программы необходимо включает поэтому и разъяснение истинных исторических и экономических корней религиозного тумана. Наша пропаганда необходимо включает и пропаганду атеизма...»¹. В Программе КПСС подчеркивается необходимость «терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, возникших в прошлом на почве придавленности людей стихийными силами природы и социальным гнетом, из-за незнания истинных причин природных и общественных явлений»².

Для атеистического воспитания трудящихся очень много могут сделать наши этнографические, исторические и краеведческие музеи, располагающие ценнейшими подлинными материалами, проливающими свет на происхождение и ранние формы религии. Большинство музеев успешно справляется с этой трудной, но важной задачей; их экспозиции имеют необходимую атеистическую направленность. Однако не все музеи уделяют должное внимание пропаганде атеизма; некоторые из них не в полной мере используют для этой цели свои большие возможности.

В исторических и краеведческих музеях тема происхождения религии может стать одной из основных в разделах о первобытнообщинном строе. Большое значение для ее раскрытия имеют археологические материалы. Во всех краях и республиках страны планомерно ведутся археологические раскопки, доставляющие нашим музеям богатые коллекции подлинных памятников истории. Археологические материалы эпохи палеолита и неолита (орудия труда, предметы быта, остатки древних поселений, жилищ и др.) дают представление о социально-экономических условиях жизни первобытных людей, о низком уровне развития их материального производства. Эти памятники наглядно подтверждают положение В. И. Ленина о бессилии первобытного человека в борьбе с природой, которое являлось основной причиной возникновения религии в доклассовом обществе. Необходимо только иметь в виду, что бессилие это было не абсолютным, а относительным; в противном случае первобытный человек не смог бы противостоять силам окружающего мира и был бы сломлен.

Археологические памятники — один из основных источников и для характеристики древнейших религиозных верований и обрядов. Они да-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 145.

² «Программа КПСС», М., 1962, стр. 261.

ют представление о возникновении и развитии погребального культа. О некоторых магических обрядах. Особое значение имеют здесь материалы древних захоронений. Известно, какой огромный интерес для религиоведения представило открытие в 1938 г. погребения неандертальского мальчика в пещере Тешик-Таш (Узбекистан). Академик А. П. Окладников, открывший и исследовавший указанный памятник, счел возможным говорить о наличии здесь элементов погребального культа³. Неандертальские погребения и некоторые другие археологические памятники этого периода позволили многим крупнейшим ученым (А. П. Окладников, П. И. Борисковский, В. К. Никольский и др.) отнести время возникновения зачатков религии к эпохе мустье. Правда, вопрос этот в науке до сих пор остается дискуссионным. Но совершенно очевидно, что в его решении главная роль принадлежит данным археологии.

Развитие погребального культа хорошо прослеживается на памятниках позднего палеолита и последующих эпох. Фонды многих музеев располагают богатым погребальным инвентарем из древних захоронений. Примером памятников такого рода является погребение ребенка на стоянке Мальта около Иркутска. Погребение обнаружили под полом жилища; оно было накрыто сверху каменными плитами. В могиле нашли ожерелье, бляху и изображение птицы из бивня мамонта. Другим примером может служить палеолитическое погребение на р. Сунгирь. В 1969 г. Северная палеолитическая экспедиция Ин-та археологии АН СССР под руководством О. Н. Бадера раскопала около Владимира уникальное палеолитическое погребение. Вместе со скелетами двух подростков (в возрасте 8—9 и 12—13 лет) в могильной яме обнаружено большое количество разнообразных вещей: бусы, браслеты, кольца, иглы, булавки для застегивания одежды, а также оружие — копья, дротики, костяные кинжалы. Все предметы сделаны из бивня мамонта, в том числе и копья двухметровой длины. Погребение густо засыпано красной охрой. По-видимому, первобытные люди положили все эти вещи в могилу для того, чтобы они могли служить умершим после смерти. Наличие в палеолитических, неолитических и более поздних погребениях орудий труда, украшений, предметов быта указывает на развитие погребального культа, на стремление людей обеспечить покойника всем необходимым в загробной жизни. Подобные материалы помогают осветить в экспозициях один из сложнейших вопросов истории религии — возникновение веры в загробную жизнь.

Постепенное развитие и усложнение погребального культа на протяжении ряда эпох — палеолита, неолита, бронзы и раннего железа — весьма обстоятельно показано в археологической экспозиции Ленинградского Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР. Здесь представлен подлинный инвентарь многих погребений: Мальты и Городцовской стоянки (эпоха палеолита), Оленеостровского могильника и Базаихи (эпоха неолита), Андроновских могильников (эпоха бронзы), Ананьинского могильника (эпоха раннего железа) и др. В отделе экспонируются также материалы могильника Уэлен на Чукотке (раскопки М. Г. Левина, Д. А. Сергеева и С. А. Арутюнова): реконструкция парного захоронения и подлинный погребальный инвентарь — гарпуны, ножи, тесла, а также скульптурные изображения людей и животных⁴.

Для экспозиции раздела о первобытнообщинном строе ценными экспонатами являются скульптурные изображения женщин, найденные археологами на некоторых позднепалеолитических стоянках (Костенки, Мальта, Елисеевичи и др.). Статуэтки сделаны из кости и камня; иногда изображения женщин выгравированы на кости и камне. Относительно их

³ А. П. Окладников, Утро искусства, Л. 1967, стр. 26.

⁴ «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Отдел антропологии и археологии (краткий путеводитель по экспозиции)», М.—Л., 1964, стр. 16—31.

значения, как известно, существуют разные точки зрения. Образ женщины в искусстве той эпохи, вероятно, «был необходимой для примитивного мышления, „осязаемой“, понятной всем конкретно-образной формой осознания единства коллектива», «важнейшим средством утверждения и развития общественной психологии, представляя исторически оправданную первобытную концепцию бытия, в которой диалектически переплеталось рациональное и мистическое»⁵.

Для характеристики первобытного искусства, а также его связи в ряде случаев с древними магическими обрядами важное значение имеют памятники пещерной и наскальной живописи эпохи палеолита и неолита. Ученые, исследовавшие живопись наших далеких предков, полагают, что в ряде случаев она имела культовый характер. Подобную трактовку дает, например, академик А. П. Окладников наскальным рисункам Каменных островов на Ангаре⁶. Под его руководством экспедиция Института археологии АН СССР исследовала и зафиксировала большое число различных изображений (лосей, рыб, сцен охоты и др.), выполненных на отвесных скалах Каменных островов древними охотниками Сибири. Часть рисунков участники экспедиции спилили и передали в музей Иркутска, Москвы, Ленинграда⁷. Несомненно, такие уникальные памятники первобытного искусства украсят экспозицию любого музея. Они позволяют в какой-то мере раскрыть мировоззрение первобытного человека, характер и смысл древнейших магических обрядов.

Очень интересна позднепалеолитическая живопись Каповой пещеры. В 1960—1964 гг. Северная палеолитическая экспедиция Ин-та археологии АН СССР под руководством О. Н. Бадера изучала живопись Каповой пещеры в Бурзянском районе Башкирии. В труднодоступной части пещеры, на расстоянии 300 м от входа, красной охрой нанесено свыше трех десятков изображений животных — мамонта, лошади, носорога. По мнению исследователей, Каповая пещера была, видимо, первобытным святилищем⁸. Материалы Каповой пещеры (копии, репродукции) уже нашли свое место в экспозициях многих музеев — Музея антропологии и этнографии АН СССР, Музея антропологии МГУ, Государственного исторического музея и др. Необходимо отметить, кстати, что эти музеи умело используют свои экспозиции для пропаганды научного атеизма.

В разделах позднепалеолитического искусства музеи знакомят своих посетителей и с широко известными находками в пещерах Западной Европы (живописными и скульптурными изображениями зверей в пещерах Нио, Тюк д'Одубер, Фон-де-Гом, Монтеспан, Ляско и др.). В некоторых пещерах животные изображены ранеными, с вонзенными в их тела копьями и дротиками. Тщательное изучение большого фактического материала позволило ученым предположить, что подобные пещеры могли служить для первобытных людей местом совершения религиозных церемоний, а изображение раненых животных на стенах пещер было одним из обрядов охотничьей магии⁹. Страстное желание первобытных охотников овладеть добычей, при ненадежности реальных средств для достижения цели (чувство «бессильного вожделения», по выражению К. Маркса), заставляло людей верить в возможность добиться желаемого с помощью колдовских приемов. Пещерная и наскальная живопись в то же время отражала трудовую опыт первобытных людей, их практические знания и наблюдательность.

⁵ А. Д. Столяр, О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания (к постановке проблемы), Сб. «Ранние формы искусства», М., 1972, стр. 66.

⁶ «Наскальные рисунки Каменных островов на Ангаре (по материалам выставки в Иркутском художественном музее)», Иркутск, 1960, стр. 8, 9.

⁷ Там же, стр. 4, 14.

⁸ О. Н. Бадер, Каповая пещера. Палеолитическая живопись, М., 1965, стр. 22.

⁹ А. П. Окладников, Указ. раб., стр. 61, 72 и др.

Археологические материалы о религиозных верованиях и обрядах первобытных людей очень важны для атеистической пропаганды. Они служат убедительным доказательством несостоятельности богословского утверждения, будто первой формой религии являлось единобожие, — утверждения, пользовавшегося до недавнего времени поддержкой ряда буржуазных ученых (теория прамонотеизма).

Ранние формы религии можно показать в экспозиции не только на археологических, но и на этнографических материалах. Каждый из этих источников имеет свои преимущества и свои недостатки. Археологические памятники относятся к значительно более древним периодам человеческой истории, чем этнографические, и в этом их особая ценность. Но чем древнее эти памятники, тем труднее они поддаются интерпретации. Часто их смысл становится понятным только при сопоставлении с определенными этнографическими данными. Этнографические материалы более выразительны и бесспорны, но они относятся к сравнительно поздним этапам развития человеческого общества, а о начальных его стадиях представления дать не могут. Поэтому в экспозиции желательно по возможности использовать оба источника, если фонды музея и экспозиционная площадь это позволяют.

Благодарным материалом для характеристики ранних религиозных верований и обрядов являются коллекции культовых предметов, собранные у племён, которые еще не так давно находились на разных стадиях первобытнообщинного строя (коренное население Австралии, Океании, Северной и Южной Америки, Африки). Вошедшие в религиоведение понятия тотемизма, фетишизма, анимизма и др. сложились на основе этнографического исследования именно этих племён. Известно, что классические материалы о тотемизме собраны в Австралии, о фетишизме — в Африке, о культе предков — в Африке и Океании и т. д. Правда, коллекции, характеризующие культуру этих племён, имеются всего лишь в нескольких музеях страны (Музей антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде, Музей антропологии при Московском университете, Музей истории религии и атеизма в Ленинграде).

Достаточно полно использует в этом плане свои богатые возможности Музей антропологии и этнографии АН СССР. В каждом из его многочисленных отделов, посвященных культуре и быту разных племён и народов земного шара, представлены и материалы по религии. Так, в экспозиции отдела «Народы Австралии и Океании» (она построена в основном на уникальных коллекциях Н. Н. Миклухо-Маклая, И. Ф. Крузенштерна, Ю. Ф. Лисянского, О. Е. Коцебу, Джемса Кука и других путешественников) дается характеристика тотемизма и вредоносной магии у австралийцев, культа предков у папуасов и меланезийцев, культа вождей у полинезийцев и т. д. В отделе выставлены интересные подлинные экспонаты — австралийские чуринги и «палочки смерти», меланезийские маски членов тайных мужских союзов, мумифицированные головы маорийских вождей и т. п.¹⁰

В отделах, показывающих культуру коренного населения Северной и Южной Америки, посетитель может познакомиться с религиозными верованиями и обрядами индейских племён: с тотемизмом у тлинкитов, с земледельческими культами у ирокезов и племён пуэбло, с анимистическими представлениями и шаманством у многих племён Америки. Основу экспозиции, как и во всех отделах музея, составляют редкие подлинные вещи (деревянные шлемы тлинкитских воинов с изображениями родовых тотемов; ритуальные головные уборы и накидки тлинкитов, надевавшиеся во время тотемических плясок; одежда и атрибуты шаманов; плетенные из кукурузной соломы маски ирокезов, связанные с земледельческим

¹⁰ «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Австралия и Океания (краткий путеводитель по экспозиции)», М.—Л., 1964, стр. 7—20.

культом, и др.)¹¹. Материалы по ранним формам религии экспонируются и в других отделах (Африка, Индонезия и др.).

Значение всех этих материалов для пропаганды научного атеизма трудно переоценить. В ранних верованиях и культах их связь с условиями экономической и социальной жизни людей особенно очевидна. Это позволяет поставить на материалах экспозиций вопрос о сущности религии, которая, по определению Энгельса, «является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»¹².

В отдельных случаях для углубленного раскрытия происхождения какого-то религиозного обряда историческим и краеведческим музеям, не располагающим подобными коллекциями, можно использовать (в экспозиции второго или третьего плана) копии или фотографии данных предметов, положив в основу отдела свои местные подлинные материалы. Однако вряд ли можно признать удачной практику некоторых музеев, пытавшихся создать отдельные атеистические комплексы или даже целые отделы за счет фотокопий и муляжей, сделанных, например, с экспонатов Музея истории религии и атеизма. В подобных случаях одновременно нарушаются два музейных правила: общее для всех музеев — показывать прежде всего подлинные экспонаты, и правило краеведческих музеев — показывать главным образом то, что отражает жизнь и культуру народа данного края.

Ранние формы религии в экспозициях музеев можно представить также на материалах традиционных верований и культов народов дореволюционной России. Некоторые из этих народов до Великой Октябрьской социалистической революции находились на довольно низком уровне общественно-экономического развития, которому соответствовал и архаичный характер их религиозных представлений. Согласно официальным данным, эти народы исповедовали христианство или ислам; в действительности они продолжали сохранять свои старые традиционные верования. В каждом крае и республике по данной тематике имеется свой конкретный материал, несомненно, хорошо известный музейным работникам. Так, в районах Сибири, Севера и Дальнего Востока значительное место в экспозиции совершенно правильно уделяется показу промысловых культов. Народы этих областей в прошлом занимались в основном охотой и рыболовством — вот почему промысловый культ был здесь очень развит. Люди поклонялись духам-хозяевам тайги, рек, моря, приносили им жертвы, устраивали в их честь специальные праздники; верили, что исполнение магических обрядов, ношение амулетов обеспечат успешный промысел.

В этнографических коллекциях многих музеев имеются разнообразные предметы, относящиеся к промысловому культу: изображения духов-хозяев; ритуальная одежда, изготовлявшаяся у некоторых народов для праздника в честь этих духов (например, у чукчей и эскимосов для праздника Кэреткуна); ритуальная посуда, употреблявшаяся при жертвоприношениях; многочисленные амулеты, связанные с промыслом, и др. Подобные культовые предметы желательно экспонировать в том разделе, где показываются условия жизни этих народов, их охотничье хозяйство, охотничье оружие, которое, несмотря на все свое совершенство, не давало людям обеспеченного существования. Это помогает понять испытывавшееся людьми чувство постоянной зависимости от окружающей природы, порой перераставшее в чувство беспомощности и бессилия. Таким образом, здесь, как нам кажется, правомерно вернуться к вопросу о причинах, порождающих религию.

¹¹ «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Америка (краткий путеводитель по экспозиции)», М.—Л., 1964, стр. 14—28.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 328.

У народов Сибири и Севера очень широкое распространение в прошлом имело шаманство; оно было здесь по существу преобладающей формой религии, поэтому в экспозициях музеев данных областей его раскрытию должно быть уделено особое внимание. Подлинные экспонаты — костюмы шаманов, их атрибуты (бубны, колотушки, изображения духов-помощников и пр.) дают возможность рассказать о целом комплексе верований и обрядов, связанных с шаманством. Здесь не следует пренебрегать даже деталями: так, подвески на шаманском костюме, изображающие различных животных и птиц, дают представление о вере людей в духов-помощников шамана; некоторые рисунки на бубнах — о космологических представлениях этих народов и т. д. Данный экспозиционный комплекс хорошо дополняют фотографии, изображающие шаманов во время камланий, могилы шаманов, считавшиеся культовыми местами, и др. Можно познакомить посетителей с магнитофонными записями камланий.

Удачное экспозиционное решение тем о промысловых культах и шаманстве найдено в Государственном музее этнографии народов СССР (Ленинград). В отделе, посвященном народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, показывается, как суровые природные условия и колониальная политика царского правительства способствовали сохранению здесь в прошлом архаичных форм хозяйства, общественного строя и религии. Известная беспомощность перед окружающим миром рождала у этих народов представления о сверхъестественных силах и стремление повлиять на них магическими действиями. В экспозиции выставлены изображения духов-хозяев у ненцев, эвенков, нанайцев; здесь же экскурсовод рассказывает, что для достижения удачи в промысле духам приносили в жертву пищу, украшения, монеты. Представление о семейно-родовом культе, характерном для народов Сибири, посетитель получает у этнографической реконструкции «Чум эвенка-охотника конца XIX в.». Макет костра, помещенный в центре чума, дает возможность рассказать о почитании у эвенков «хозяйки очага», которая считалась покровительницей семьи, женщин и детей, а также о вере людей в «хозяина чума». Если культ «хозяйки очага» являлся своеобразным отражением в религии эпохи материнского рода, то почитание «хозяина чума» было уже связано с утвердившимся отцовским родом¹³. Перед нами снова яркий пример того, как в религии отражаются общественные отношения людей, их реальная жизнь. Поэтому все эти материалы хорошо используются музеем для раскрытия сущности религии.

В экспозиции отдела показываются также костюм, атрибуты шамана и пр. Здесь экскурсовод останавливается на представлениях народов Сибири о душе, о мире духов, о способности шамана «общаться» с ними. Иллюстративный материал и соответствующие тексты характеризуют классовую сущность шаманства, особенно в первые годы Советской власти. Во время экскурсии по отделу экскурсовод постоянно проводит аналогии между религиозными верованиями народов Сибири и христианством. Так, показывая шаманский жезл с колокольцами, употреблявшийся при камлании, он говорит и о роли колокольного звона в обрядах христианства. Характеризуя промысловый культ, в том числе обычай сжигать багульник или можжевельник для привлечения духов, экскурсовод проводит параллель с курением ладана в христианстве и т. д.¹⁴.

Но промысловый культ и шаманство характерны в основном лишь для определенного круга народов. В музеях большинства краев и областей, население которых в прошлом занималось земледелием, тему дохристи-

¹³ С. А. Авижанская, Опыт использования этнографических материалов в научно-атеистической пропаганде, Сб. «Материалы по работе и истории этнографических музеев и выставок», М., 1972, стр. 87.

¹⁴ Там же, стр. 87, 88.

анских верований и обрядов можно, по-видимому, в какой-то степени раскрыть на аграрных культурах. В исторических отделах, где показывается остальное хозяйство дореволюционной деревни — земледелие с его примитивной техникой и пр., — становится очевидной та же зависимость человека от сил природы, что и у таежных охотников и рыбаков Севера и Сибири. «Корни древнейших аграрных обрядов, — пишет С. А. Токарев, — очень близки, иногда почти тождественны корням охотничье-рыболовческих обрядов... Эти корни заключаются в таком же — если не большем — бессилии первобытного земледельца перед природой, как и бессилие первобытного охотника»¹⁵. Конечно, уровень развития народов дореволюционной России никак нельзя сравнивать с уровнем развития первобытных земледельцев, но зависимость людей от окружающей природы и здесь была достаточно большой. На этой основе у многих народов возникла вера в духов земли, урожая; появились различные магические обряды, цель которых — повлиять на силы природы и обеспечить урожай. С помощью соответствующих вещевых и иллюстративных материалов наиболее характерные из этих верований и обрядов могут быть показаны в экспозициях исторических отделов музеев.

Аграрные культы получили очень широкое распространение у русских, украинцев, белорусов, народов Поволжья, Кавказа и др. Некоторые народы Кавказа почитали божества земли и плодородия; в честь этих божеств совершались общинные моления и приносились жертвы. Почти повсеместно исполнялись магические обряды вызывания дождя, обряды для обеспечения хороших всходов и др. У осетин, например, праздник Нового года был связан с земледельческим культом. В Государственном музее этнографии народов СССР, в разделе, посвященном культуре осетин XIX — начала XX в., экспонируется обрядовое новогоднее печенье, которое изготовлялось и употреблялось крестьянами с целью обеспечить урожай (большая лепешка изображала солнце, маленькие — соху, корзинку для хлеба и пр.)¹⁶. У чувашей основные религиозные праздники и обряды также были связаны с земледелием. Начинаясь они около Нового года (время зимнего солнцестояния), важнейшие приурочивались ко времени весеннего сева и летних уборочных работ. В обрядах отчетливо сохранялись следы почитания матери-земли; они совершались жителями всей деревни в определенных местах — в лесу, роще, овраге и т. д. Праздники сопровождались жертвоприношениями скота, купленного для этой цели на общинные деньги. В музеях Чувашии хранятся многочисленные подлинные экспонаты, связанные с земледельческим культом.

Связь с земледельческим культом отчетливо видна и в старых праздниках мари: в празднике сохи, отмечавшемся в мае, и летнем празднике солнцестояния (сюрем). В них участвовали жители одной или нескольких деревень; обряды совершались в священных рощах под руководством выборных жрецов — картов¹⁷. Вещевой материал, относящийся к данным праздникам, можно было собрать в марийских деревнях еще несколько лет тому назад. Экспедиция Музея истории религии и атеизма под руководством В. Н. Шердакова в 1968 г. привезла из Марийской республики интересную коллекцию ритуальных предметов, связанных с этими обрядами: костюм мари-карта; надевавшийся жрецом во время молений в священной роще; трубу (сюрем-пуч), с помощью которой верующие созывались на моление; полотеница, оставлявшиеся людьми в священных рощах в качестве жертвоприношений; музыкальный инструмент, употреблявшийся во время обряда жертвоприношения; ритуальную посуду — чашу

¹⁵ С. А. Токарев. Ранние формы религии и их развитие, М., 1964, стр. 379—380.

¹⁶ С. А. Авижанская, Указ. раб., стр. 90, 91.

¹⁷ «Религиозные верования народов СССР. Сборник этнографических материалов», М.—Л., 1931, т. II, стр. 179—182.

для поливания жертвенных животных, сосуды для жертвенной пищи и разливания пива на молениях. Подобные коллекции представляют большую ценность. С их помощью в музеях можно создать экспозиционные комплексы, характеризующие древние верования и культы народов дореволюционной России. Организуя собирательские экспедиции, музеи должны, очевидно, предусматривать поиски подобных экспонатов. Помимо аграрных культов, собирателям необходимо обратить также внимание на обряды, связывавшиеся в прошлом и с другими видами производственной деятельности, например скотоводством, пчеловодством.

Многие этнографические, исторические и краеведческие музеи имеют материалы по знахарству, которое в прошлом было широко распространено у всех народов дореволюционной России. Известно, что знахарство является одной из ранних форм религии. Его особая стойкость и живучесть объясняются тем, что оно с самого начала тесно переплелось с народной медициной, располагавшей многими рациональными и довольно эффективными лечебными средствами и приемами. У некоторых народов Севера и Сибири знахарство частично соединилось с шаманством, поэтому освещать данные вопросы можно в одном разделе. Характеризуя знахарство, желательно показать средства, использовавшиеся в его практике для лечения больных, что позволит раскрыть его антинаучный характер. Важно обратить внимание посетителей музея на корни данной формы религии — бессилие людей перед болезнями. Это позволит еще раз вернуться к вопросу о причинах появления религии. Непонимание людьми сущности заболеваний приводило к тому, что часто болезни олицетворялись в образах определенных духов. В различных краеведческих музеях Севера и Сибири есть скульптурные изображения духов различных болезней — ревматизма, туберкулеза и др. Примером могут служить чукотские изображения духов туберкулеза и водянки, экспонированные в Музее истории религии и атеизма. Эти предметы вызывают всегда большой интерес у экскурсантов. У русских души лихорадки («трясовицы») олицетворялись раньше в образах 7 или 12 сестер — Трясухи, Знобухи, Желтухи, Ломухи и др.; сами имена их говорят о симптомах болезни. Гравюры с изображением «трясовиц», а также литографии подобного содержания имеются в фондах многих музеев.

В религии народов Кавказа, Поволжья и Сибири важную роль в прошлом играл культ предков, характерный в основном для стадии патриархально-родового общества. Он основывался на вере в то, что души умерших предков могут во всем покровительствовать своим живым сородичам, но за это требуют почитания и жертвоприношений. Выразительными экспонатами по этой теме служат изображения предков. В экспозиции Музея истории религии и атеизма представлены, например, следующие предметы; деревянные фигурки предков у нанайцев, изображения супругов-предков у бурят, сделанные из овчины и др. Семейно-родовой культ предполагал «кормление» предков — поминальные обряды, жертвоприношения. Они показаны в экспозиции с помощью соответствующих иллюстраций и подлинных экспонатов — ритуальной посуды, утвари и пр. Так, у белорусов на празднике «дзядов» употреблялась не только ритуальная посуда, но и специальные столики для кормления предков.

Упомянутые здесь верования и обряды не исчерпывают, разумеется, всех ранних форм религии, которые в виде пережитков долгое время сохранялись у народов России. Здесь в качестве примера взяты только наиболее широко распространенные. Научные сотрудники каждого музея, могут отразить в экспозиции те религиозные представления и обряды, которые существовали в прошлом у населения их края или области. Основательно проведенное предварительное научное исследование данных вопросов поможет выявить и включить в экспозицию необходимый материал. Для усиления атеистической направленности экспозиции можно использовать не только культовые предметы (дав им соответствующую

щую интерпретацию), но и экспонаты, на первый взгляд к религии прямого отношения не имеющие. Например, демонстрируя в соответствующем отделе старые земледельческие орудия труда, в частности соху, следует, очевидно, здесь же поместить иллюстративный материал об обряде опаживания деревьев при эпизоотии (в тех областях, где этот обряд практиковался). В тексте необходимо подчеркнуть, что он отражал бессилие людей перед болезнями, недостаток реальных средств борьбы с ними.

Другой пример: показывая русскую народную одежду дореволюционной деревни, необходимо обратить внимание посетителя на то, что некоторые ее детали и украшения выполняли магические функции: «обереги» на паневе, рога на женских головных уборах (кичках) и др. (В данном случае, экскурсоводу уместно, нам кажется, провести аналогию с фетишистскими элементами в христианской религии: ношение нательных крестов и ладанок преследует по существу ту же цель — оградить верующего от всех бед и несчастий). В далеком прошлом некоторые украшения жилищ, например изображения животных и птиц на крышах домов, служили одновременно «оберегами»; впоследствии они стали выполнять чисто декоративные функции. С семейно-родовым культом у осетин было связано почитание домашнего очага, надочажной цепи и опорного столба жилища — предметов, имевших в первую очередь утилитарное значение. Приведенных примеров достаточно, чтобы понять необходимость еще раз внимательно посмотреть в фондах весь имеющийся материал и выявить предметы, которые могут найти свое место в атеистической пропаганде музея.

Отдельные пережитки древнейших религиозных верований и обрядов иногда продолжают сохраняться вплоть до настоящего времени — почитание рощ, деревьев, источников; вера в знахарство; ношение амулетов; любовная магия и др. Музейным работникам особенно важно установить, какие из этих пережитков продолжают сохраняться у населения их края сейчас, и там, где возможно, собрать относящийся к данной тематике материал, прежде всего вещей. Где же, как не в музеях, должен он храниться? Подлинные вещи и фотографии, собранные по данной теме, можно использовать в стационарных экспозициях и на выставках. Наряду с пережитками христианства, ислама и других религий, представленными, как правило, в музейных экспозициях, всегда интересно показать и конкретные пережитки древних верований и обрядов, объяснив при этом их сущность и происхождение. Вполне вероятно, что само раскрытие генезиса данных явлений отчасти лишит их в глазах верующих людей ореола таинственности, сверхъестественности и тем самым в известной мере будет способствовать преодолению веры в них.

Что по данной тематике могут собрать музеи в настоящее время? Судить об этом можно хотя бы по тем материалам, которые привезены за последние годы экспедициями Музея истории религии и атеизма. Экспедиции в Якутию (1968 г.) и Бурятию (1971 г.) выявили, что там еще кое-где сохраняется почитание деревьев. В Якутии, в Ольдетском наслеге Усть-Алданского района, до сих пор почитается огромное дерево, стоящее посредине поля, вдалеке от проезжих дорог. Человек, у которого начались в жизни неприятности, отправляется к дереву и приносит сюда в качестве жертвы какую-либо вещь, веря, что после этого у него все наладится. На дереве и около него участники экспедиции нашли тряпочки, чайник, монеты и разные другие предметы, в том числе даже рабочие инструменты — топоры, молотки. Другое почитаемое дерево находилось около проезжей дороги у с. Танда (Усть-Алданский район); оно также было увешано разнообразными приношениями¹⁸. В Бурятии, недалеко от пос. Кырена Тункинского района,

¹⁸ «Отчет о командировке в Якутскую АССР», Рукописный отдел Музея истории религии и атеизма (МИРиА), ф. 1, оп. 1, д. 614, стр. 17.

члены экспедиции видели большую березу с висящими на ней разноцветными лоскутками материи и пучками конских волос. Дерево стоит недалеко от проезжей дороги, ведущей в горы. Люди, едущие туда на лошадях и машинах, останавливаются иногда у дерева и оставляют под ним различные вещи — хлеб, конфеты, монеты и др. Соблюдают этот обычай и буряты, и русские¹⁹. Участники экспедиций сфотографировали в обследованных районах несколько почитаемых деревьев и привезли интересные экспонаты.

В Бурятии и Якутии кое-где продолжают сохраняться представления о духах-хозяевах гор, тайги, рек, озер, а также остатки промыслового культа. В Закаменском районе Бурятии один охотник сообщил сотрудникам музея, что, отправляясь на промысел, люди иногда обращаются с просьбами об удаче к «хозяину тайги» и приносят жертвы огню²⁰. В Якутии, по словам информаторов, еще в 1960-х годах существовал кое-где такой обычай: охотник, отправляясь на охоту, а рыбак — на рыбалку, для обеспечения успеха должны были на том месте, где они остановились, разжечь костер и принести жертву огню²¹. До настоящего времени в отдельных домах можно встретить и охотничьи амулеты; два таких амулета — крыло птицы и лапки белой куропатки (они вешались на стену жилища в начале охотничьего сезона) — привезли сотрудники музея из Усть-Алданского района Якутии.

Предметы шаманского культа в настоящее время собирать очень трудно, так как шаманство почти полностью исчезло. Однако в некоторых районах Сибири и Севера есть еще люди, которые гадают, лечат больных. В Бурятии члены экспедиции Музея истории религии и атеизма встречались с тремя такими людьми; о других получили сведения от информаторов. Интерес для исследователя представляют и шаманские погребения, являвшиеся всегда культовыми местами. И сейчас в Якутии старики иногда отказываются указать местонахождение шаманских погребений, считая, что это может разгневать духа шамана и тот найдет на виновного и его близких болезнь и другие несчастья. Одно шаманское захоронение (воздушное, в колоде) было обнаружено экспедицией Музея в местности Кур-оттах Батагайского наслега Усть-Алданского района. Оно было в плохом состоянии; большая часть одежды и украшений не сохранилась, но куски кожи от нижней части одежды, расшитые бисером, удалось все же привезти. Из Ольгетского наслега Усть-Алданского района были получены и «шаманские птицы» — деревянные резные изображения птиц, олицетворявшие духов-помощников шамана. Таким образом, отдельные предметы шаманского культа, вероятно, можно еще собрать и в настоящее время.

Опыт экспедиционной работы показал, что предметы шаманского культа сравнительно легче получить от шаманов, отказавшихся от своей религиозной практики. Помогает в таких случаях и заверение, что все эти вещи представляют интерес для науки и будут экспонированы в музее. Исключительно ценные материалы о шаманстве, анимистических представлениях, погребальном культе и других религиозных пережитках у нанайцев и ульчей собрали в 1972 г. участники экспедиции в Хабаровский край²². Ими привезена и большая коллекция: одежда и бубен шамана, изображения духов-покровителей (резные деревянные фигуры медведей и тигров), разнообразный погребальный инвентарь и др. —

¹⁹ «Отчет об экспедиции в Бурятскую АССР», Рукописный отдел МИРиА, ф. 1, оп. 1, д. 630, стр. 10, 11.

²⁰ Там же, стр. 12.

²¹ «Отчет о командировке в Якутскую АССР...», стр. 14.

²² «Отчет об экспедиции в Хабаровский край», Рукописный отдел МИРиА, ф. 1, оп. 1, д. 629, стр. 1—3.

всего 68 предметов²³. В нанайском селе Дада удалось записать на магнитофон беседу с бывшим шаманом.

Экспедиции могут дать в распоряжение музеев также значительные материалы о сохранении различных видов магии. Так, сотрудниками Музея истории религии и атеизма в Омутнинском районе Кировской области в 1968 г. было изучено состояние религиозности в горнозаводском поселке Песковка. Оказалось, что из всех верований и обрядов здесь дольше всего сохранялись различные виды магии. В поселке сотрудников музея познакомили с двумя женщинами, пользовавшимися репутацией «колдуний». Одной из них приписывалась способность «опоить» любого человека. Другая считалась «специалистом» по любовной магии. От этой «колдуньи» (по прозвищу Санька-Зырянка) был получен «заговоренный» пояс из куска рыбацкой сети, насчитывавший 40 узелков. Считалось, что он обладает способностью предохранять женщин от вредоносной магии. Из того же поселка привезен и другой амулет — гусиное перо с находящейся в нем ртутью; зашитое в красную тряпочку, оно прикалывалось булавкой к нижнему белью женщины — чтобы удержать мужа²⁴.

Различные амулеты, служившие средствами предохранительной магии, собраны экспедициями музея в республиках Средней Азии. В 1968 г. из Бухары привезен семейный «оберег» (хозариспанд), до настоящего времени изредка встречающийся у узбеков. Он представляет собой стержень, к которому прикреплены в виде подвесок семена различных пустынных растений и тряпочки. Такие обереги вешались над дверью жилища с целью оградить семью от дурных намерений входящих, если таковые у них были. В том же году несколько амулетов получено в Ошской области Киргизии, среди них коготь беркута, который, согласно поверьям, охранял человека от всего дурного, от злых духов. Его носили и беременные женщины, чтобы роды были легкими. Коготь пришивался к внутренней стороне одежды подмышкой. Амулетами служили также перья беркута; их носили в основном дети, считалось, что они охраняют ребенка жизнь и предохраняют его от злого глаза. Сотрудники музея приобрели интересный экспонат — детскую тибетейку с перьями беркута²⁵.

Чтобы сделать научно-атеистическую пропаганду действенной, надо учитывать современное состояние религиозности, разнообразные ее проявления, в том числе и наличие в сознании людей пережитков древнейших верований и обрядов. Их существование в настоящее время свидетельствует об особой живучести и консервативности религиозных представлений. Показывая происхождение и сущность религиозных верований и обрядов, их антинаучный характер, экспозиции и выставки музеев будут способствовать преодолению религиозных пережитков в сознании людей, помогая тем самым делу коммунистического воспитания трудящихся.

MUSEUM EXPOSITIONS AND THE PROBLEM OF THE ORIGINS OF RELIGION

Many of our country's museums possess rich archaeological and ethnographic collections whose expositions may play an important part in elucidating the origins and early forms of religion. Archaeological materials from the palaeolithic and neolithic ages

²³ Там же, стр. 4.

²⁴ «Отчет о командировке в Омутнинский район Кировской области», Рукописный отдел МИИА, ф. 1, оп. 1, д. 617, стр. 4—9.

²⁵ «Полевой дневник экспедиции в Киргизскую ССР», Рукописный отдел МИИА, ф. 1, оп. 1, д. 615, стр. 4—10.

(tools, utensils, reconstructions of ancient dwellings and settlements) give an idea of the social-economic structure of primitive society, of man's impotence in his struggle with nature which at that stage of social evolution became one of the factors leading to the rise of religion. Archaeological relics (ancient burials, certain late palaeolithic art objects, etc.) permit us to trace the evolution and growing complexity of the burial cult, of magical hunting rituals. Ethnographical collections amassed from tribes that have only recently still remained at one or another phase of the primitive communal stage of development (e. g. the aboriginal populations of Australia, Oceania, North and South America, etc.) also form valuable exhibits serving to characterize early forms of religion. For this purpose many museums also make use of materials on the traditional beliefs and cults of the peoples of pre-revolutionary Russia. The study of the origins and early forms of religion are important for the propaganda of scientific atheism.
